

Я не знаю, что со мной. Явь перемешалась со сном. Кажется, правда стала вымыслом. Сегодня я потерял... друга. Я вижу, что я - это... не я. Но кто тогда... я?

Мы сидим на турецких подушках бок о бок. Я люблю его искренность. Том из тех, кто говорит полуправду. Он щадит мое самолюбие.

- Полная правда убивает наповал, - любит он повторять за стаканом вина, а поэтому Том всегда недоговаривает...

Ведь добавить больше нечего. Том крайне молчалив. А вдобавок хозяин дома не любит, чтобы кто-то говорил больше него за столом. А сам он? Том вообще не говорит, ну, если два-три слова за вечер. Но сегодня что-то случилось, возможно, "несчастье"? А поэтому похоже, что его не остановить... Он говорит, слушая самого себя...

- Это случается с ним раз в сто лет, - смущенно вставляет его жена. - А знаешь, почему, Руди? Он ревнует меня к тебе...

- Ну а это совсем ни к чему. Я слаб в другом. Ты знаешь, что я млею... по парням! - допиваю вино, не глядя на нее.

- О да! Ты, конечно, не смотришь... на меня. Отводишь глаза, я это вижу. Ты опять влюбился в мою ливанку! Признавайся, ведь это так, а... Руди? - настаивает Том, заметив наши переглядывания.

- Нет. Ты не прав, просто чешется левый глаз. Ресница попала. - Я тру веко. Он начинает подсмеиваться надо мной, смотря доверительно.

- Да, пожалуй, ты права, Шакка, - целует он ее руки. - Конечно, я чудовищно ревную к Руди. Иначе меня разговорить невозможно, - соглашается он, глядя на меня, а затем сгребает нас обоих в охапку, прижимаясь к нашим щекам. Затем он отталкивает меня... Смотрит задиристо в ее глаза. Целует кончик носа и цедит сквозь зубы, что кусают сигарету:

- Ты права, девочка! Особенно сейчас-то! Да к кому ревновать-то? Не к кому! Вокруг такое пьяное дерьмо, что у меня кружится голова и меня тошнит... и тебя, Шакка, тошнит! Не только меня и тебя, но и Руди тошнит: всех нас троих тошнит уже год? Догадывается... бестии?

Мы покатываемся со смеху. Мы опять и опять по-мужски похлопываем друг друга по плечу. Это обычно бывает между нами в порыве искренности, зажавшей сердца. Это случилось и сейчас. Мы не сердимся друг на друга. Мы доверяем друг другу. Мы даже, кажется, начинаем любить друг друга как-то по-особому... Я вздрагиваю. Так ли это? Я исподлобья наблюдаю за ним.

Он смотрит понимающе, берет меня пальцем за подбородок и качает своей головой из стороны в сторону, приговаривая в ответ:

- Нет... нет... нет!

Помолчав минуту, добавляет:

- Не, не, не... - сухо, разделяя каждую букву.

- "Не" - это... окончательно? - выдавливаю я из себя улыбку, поглядывая на Шакку.

- Да, железно и... навечно! - резко и твердым голосом выдыхает он, как будто чего-то заподозрив в себе, а потому испугавшись.

Вино допито. Шакка возвращается на кухню.

- Все на столе, бегом, парни! Пора братья за плов и сладости...

- Пожалуй, для меня уже поздно, - отказываюсь я от ужина.

Том принимает мои слова с благодарностью. Он смотрит заискивающе и не мигая на Шакку. Она молчит, боясь сказать лишнее слово поперек. Том же чувствует... то же.

Книга великого русского танцора **Рудольфа Нуриева "Без макияжа"** имеет необычную судьбу. Она составлена нашим соотечественником, ныне проживающим в Австралии, **Юрием Рюнтю** на основе сорока девяти подлинных писем Нуриева к своему не менее великому другу лауреату Нобелевской премии по литературе **Патрику Уайту** и бесед самого Юрия с **Патриком Уайтом** и **Руди Нуриевым**. Книга вышла в Австралии на английском языке в 1992 г.

Юрий Матвеевич Рюнтю пишет сам о создании книги: "Так в моих руках остались письма... Патрик был уверен, что больница его угробит, как и случилось. Он предрекал, что врачи его залечат до реанимационной комнаты, но не дадут умереть единственному нобелевскому лауреату по литературе... Что я мог? Очень немногое."

Я обещал сблечь все письма. Патрик Уайт умер в 1990 г. Писем было сорок девять. Их и осталось сорок девять. Я распечатал письма лишь тогда, когда больной Нуриев возвратился из спидовой больницы Нью-Йорка в Лондон. Я понял, что он умирает у себя дома на набережной Вольтера... Я обещал Патрику опубликовать их после выхода на прилавок Марровой книги, но не раньше чем после смерти его русского друга, гениального танцовщика.

Я начал ждать горя, и это случилось в 1992 г. Его Руди лег в землю... К первой годовщине со дня смерти Руди Нуриева написана эта книга... Так хотел он. Здесь Нуриев и только сам Нуриев. Здесь нет его мумифицированной тени. Здесь все о его душе, человеческой природе и животных страстях...

Том

Я начинаю понимать значение его "не". Я одеваю и выхожу из их дома. Это могу понять только... я. Он научил меня расставаться... Разве это не началось пять лет назад, когда мы не умели этого... делать. Я вышел к Темзе и закурил. Прошлое обрушилось на меня. Тогда в далеком Лондоне он постоянно требовал, чтобы я был у него на глазах... Если я выходил из его комнаты, кричал: "Где ты, где? Иди скорей. Я скучаю по тебе, парень!"

Мы спали вместе около трех лет... Как нелепо все это было, глупые мы были парни... тогда.

Но однажды произошло несчастье... хотя и случайно. Это обрушилось на меня непредсказуемо, даже... глупо.

Однажды вечером я вышел за сигаретами в соседний бар и не вернулся. Том подумал, что я его бросил. Ревность сыграла с ним жестокую шутку. Он прождал меня несколько недель, не отходя от окна и телефона. Том плакал, "как ребенок без любимой игрушки", как мне потом рассказали... через два года. Он ничего не ел, не выходил на улицу. Он даже пытался отравиться газом, а потому попал на сутки в госпиталь, где... я находился в соседней палате... со дня исчезновения из Лондона.

Да, ревность сожгла его сердце! Но ведь я не был виноват в этом. Я попал под автобус и начисто потерял память. Очнувшись я... очень не скоро. Я не помнил своего имени, своего адреса... более двух лет.

Когда меня окончательно выписали из больницы, то я немедленно побежал к хозяйке нашей квартиры. Дома никого не было. Два года - это не один день или даже... месяц. Все бывшие соседи съехали за это время. Никто не знал, где Том. Мой очаг был... пуст.

Я пошел в полицию, но машины он так и не купил, а значит, он не был зарегистрирован на компьютере. Никто не смог сказать мне, где Том.

Я стал вспоминать о месте, где живут его родители. Оказалось, что у него, как и у меня, их нет. А поэтому никто нас не мог любить крепче, чем мы любили друг друга... давно-давно на Кенсингтоне.

Итак, случилось жуткое горе! Мы расстреляли себя среди улиц Лондона. Мы не могли найти среди миллионов машин, тысяч газет и журналов и сотен телевизионных программ... Мы одичали посреди самого свободного и информированного британского века. Мы потеряли себя в самом цивилизованном и просвещенном Королевстве.

До сих пор меня преследует чувство, как я сжался в комок, походя на забитого ежа. Я мечтал о нем, моем Томе, во всех ночных сновидениях. Часто я засыпал днем, чтобы увидеть его и поговорить с ним... два раза в сутки... четыре... пять.

Потом я чудом оправился от амнезии и даже вернулся в прежний офис, а после работы неустанно бегал по пивнушкам. Я подсчитал, что их тридцать три тысячи! А это значит, чтобы обойти их все, мне нужна вечность! "Если на это уйдет остаток моей жизни, то я готов отдать ее... ради любимого!" - поклялся я сам себе на кресте и

Библии.

Я искал и искал Тома везде. Я осознал, что Том где-то рядом, в Лондоне, а если и нет, то обязательно - жив, жив... жив!

Я долго объезжал район за районом... Я твердил себе под нос одно и то же: Том, Том, Том! Я спрашивал всех направо и налево: "Где? Кто... видел Тома?"

Но в моем городе его никто не знал. Я сменил работу и уехал на юг, затем на север... Я спрашивал всех... искал. Везде одно и то же: никто не знает... Тома... в Англии.

И вот однажды я узнал, что он в Лондоне. Это была счастливая ночь! На этот бар показал мне случайный прохожий. Я заглянул туда в полночь: там сидел усталый и небритый Том! Я бросился навстречу: мой Том! Я обнял его, расцеловал. Он холодно пригласил меня к себе... Здесь я был... когда-то. Мне грустно от этой встречи сегодня.

Сейчас я иду домой. Сегодня я увидел его первый раз после моего погребения заживо в больнице. Именно "этим" и были моя нелепая двухлетняя немоща и даже беспамятство.

Мы не говорили о больнице сегодня: я так и не успел ему рассказать о моих... бегах по пивнушкам. Я понял, что это не нужно ни ему, ни его беременной... жене.

Я не хочу ворошить страдания. Что было, то уже прошло. Я видел, что ее муж был тоже болен... от меня. Он безумно страдал после... меня. Он пытался умереть, но его спасла та же самая Шакка. Нет, нам не надо возврата во вчерашний день. Мы все равно уже не такие. Все равно мы уже не... там! Мы уже не те! Мы с ним совсем не те! Да и где я сам... тот Род, каким я был? Именно так он звал меня, не согласившись с тем, как окрестили меня мои родители. Ведь он никогда не звал меня Руди. Сегодня я был удивлен, что он не помнит этого имени. Да, он звал меня Род, до... сегодняшнего дня. Может, что-то у него с памятью... Нет, он здоров... Дай Бог, чтобы все у него было... замечательно.

О Христос, Моисей, Мухаммед, Будда, Кришна... Святой Никола! Спасибо всем, что я опять в порядке. Теперь я свободен поехать в Нью-Йорк и жить одиноко без Тома. Ведь он жив... мой Том. Он жив - это главное! А я... жил как-то и раньше.

- Шакка, ты уже спишь? - спросил Том.

- Нет, - раздалось из другой комнаты.

- Он совсем не знает, что я умираю... Ты не сказала ему?

- Нет. Я храню твои секреты. Ты ведь знаешь свою медсестру. Разве она не как исламский замок на дверях мечети... молчания и секретов?

- Да. Я люблю тебя больше, чем медсестру! Ты знаешь... моя девочка!

- Но я беременна от Тимура, как ты мог это забыть? Ведь он мне дядя по матери...

- Что из того? Я усыновлю твоего ребенка, и он не будет без отца, как были я и ты! Я хочу ему счастья, детства в настоящей семье!

- Ты правда хочешь? А если назвать его Тимуром?

- Да, если ты всерьез, Шакка. Разве ты хочешь сделать меня отцом... меня, падшего кобеля?

Девушка вошла в комнату и поцеловала Тома в закрытые веки.

- Как ты нежна! Таким мог быть только Руди! Ах, Род, Род! Мой... Руди! - заплакал Том.

- Ничего, все образуется, Том, у тебя опять жар? Ах, что... делать?

- Хорошо, что я не сказал Роду о своем СПИДе, - начались горькие всхлипывания.

- О Том! Это лучшее, что ты сделал. Ты не намекал ни полслова: ведь уже прошло столько лет... Сам знаешь, как время меняет всех нас.

- Да, время меняет... любовь! Мне надо куда-то деть еще неминуемые три месяца, как предрекают... Гадкие врачи. Не говори ему... о моих похоронах, Шакка.

Ты, святой, Том! Разве ты не получил анализ крови за день до того, как потерял Руди... навсегда?

- Нет. Я безумно низок и гадок. Святой - это Род, а не я. Он, и только он рыскал... по Британии... искал меня. Мне не раз говорили об этом то там, то тут. Я всем запретил говорить, где я прячусь. Я хотел тайно умереть без него... хотел ему счастья, Шакка.

- Да, я знаю. Твоя мечта, чтобы Род пережил тебя, остается в силе и сегодня, - улыбнулась медсестра сквозь слезы.

- Покойной ночи, Том, мой мальчик. Я огорчена, что у тебя... 38,2, - начала она гладить Тома по лысой голове, где не осталось ни одного волоска. Было ясно, что его здоровье стремительно ухудшается. Он ни разу не вспомнил ее настоящее имя... Шарра.

- Покойной ночи, Том! Я больше не Род, нет, я больше не Род! - выдохнул Руди, глотая во сне слезы - соленые, как кровь...

Он понял, что его Том умирает. Скрыть это было трудно: СПИД он изучил досконально на своем опыте. Роду оставалось жить на четыре месяца больше, чем... Он подхватил смертельную болезнь после переливания крови в машине скорой помощи, когда лежал без сознания в тот роковой день, что исковеркал его судьбу.

Вот и все, Патрик. Как тебе... вещи сны твоего Р. Н.?

Книга **Рудольфа Нуриева "Без макияжа"** выходит в издательстве "Глагол"

